

НЕЯВНЫЕ ДОПУЩЕНИЯ ДЕКАРТОВСКОГО COGITO. ОБОСНОВАНИЕ ЧЕРЕЗ ДВУПРИРОДНОСТЬ ЗНАКА: СМЫСЛ И SENSE-DATA

Невдобенко Оксана Ивановна – кандидат философских наук, доцент. Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана. Российская Федерация, 105005, Москва, 2-я Бауманская ул., д. 5; e-mail: oksnev@yandex.ru

В статье предлагаются аргументы в пользу того, что в отношении знаковой версии cogito, когда Я формулирует рефлексию о самосознании, Декарт неявно принимает следующие допущения: 1) существует такой (неопределяемый ясно и отчетливо) отрезок времени Δt , в который Я не может ошибиться относительно того, что произошло в Δt (безошибочное время); 2) существует такая мера времени, относительно которой Я не может ошибаться (скажем, если нечто субъективно для Я прошло быстро, то меру длительности данного события, выраженную в некоторых условных единицах времени, (данный) субъект тоже оценит как «быстро»). В статье мы рассматриваем, какие следствия для декартовского злого гения, цель которого – тотальный обман и меонтизация, имеют эти неявные предположения, какой ресурс для манипуляции сознанием он получает, если мы откажемся от них. Идея манипулятора такова. Диапазон возможностей злокозненного манипулятора Декартом ничем не ограничен, следовательно манипулятор способен ввести в заблуждение мыслящее Я в отношении содержания прошлого опыта. Теперь рассмотрим самоуверяющее cogito как языковую конструкцию. Тогда cogito (в любой формулировке: «Я сомневаюсь», «Я сознаю себя сознающим» и пр.) есть знаковый объект и как таковое а) должно иметь чувственно воспринимаемую составляющую, sense-data, и б) может быть построено только во времени *последовательным* порождением элементарных знаков. Пусть самоуверяющее cogito представлено последовательностью элементарных знаков (включая, возможно, пробелы) s_1, \dots, s_n . Поскольку этот набор символов строился последовательно, мы (вслед за декартовским злым гением) можем посмотреть на процесс построения через системы координат «прошлое – настоящее – будущее» и «раньше – позже». Тогда (элементарной) когитальной знаковой манипуляцией будет такая: (1) Я строит сейчас знак s_i (или какую-то его часть), (2) ошибочно думает, что предыдущими построенными знаками были s_1, \dots, s_{i-1} (ошибка памяти, работа манипулятора), (3) собирается построить знаки s_{i+1}, \dots, s_n . Например, Я (1) строит знак t , (2) ошибочно полагая, что непосредственно до этого построено “cogi” и (3) собираясь построить знак o . При этом реально (с точки зрения манипулятора) был построен только знак t . До этого и после этого может быть, в принципе, все что угодно, скажем, можно представить существование Я как последовательность таких знаковых манипуляций, которые само Я принципиально не может обнаружить (они могут быть зафиксированы только с позиции третьего лица, но не интроспективно). В статье рассматривается, в каких отношениях описанная манипуляция является деструкцией когитального мышления, и обсуждаются причины возможности такого (знакового) подлога. В качестве одной из причин указывается составляющая sense-data в любых языковых конструкциях.

Ключевые слова: cogito, знаковая манипуляция, самооткровенность

COGITO'S HIDDEN PREMISES FOUND THROUGH TWO ASPECTS OF A SIGN: MEANING AND SENSE-DATA

Oksana I. Nevdobenko – PhD
in Philosophy, Associate
Professor.
Bauman Moscow State
Technical University,
5, 2nd Baumanskaya St.,
105005, Moscow,
Russian Federation;
e-mail: oksnev@yandex.ru

In the article we argue that Descartes while considering sign version of cogito does use some hidden premises in spite of well-known declaration there are none. They are: 1) there's such a length of time Δt over which I cannot be wrong on the matter of what happened over Δt (*infallible time*); 2) there's such time extent Δt upon which I cannot be wrong (say, if an event happened quickly from I-viewpoint then while being measured in some standard units, one will appraise it as "quickly" as well). We investigate the advantages the evil demon can take from that. This is a sign manipulation we propose. Cogito as a sign object has to have a) a sense-data component and b) can be built only through time by consecutive generation one elementary sign after another. Then an (elementary) sign manipulation is the following: (1) I is [not am] building the sign s_i (or some part of it, which is not a sign any longer), (2) I thinks wrongly that the previous signs just built are s_1, \dots, s_{i-1} (the evil demon's work), (3) I is [not am] going to built signs s_{i+1}, \dots, s_n . For example, one thinks of self as thinking cogito, while in fact the real event is building "t" (the part "cogi" being prior to "t" is in the past and as such can be manipulatively substituted instead of what really happened in the life of I before building the sign "t" (whatever it is; probably, nothing; probably, I didn't exist before generating "t")). We investigate the source which makes the manipulation possible and the gravity of the destruction of such sort. The crucial reason for the possibility of such misconception turns out to be the sense-data component in any linguistic (being sign) constructions.

Keywords: cogito, sign manipulation, self-identity

1. Введение

Достоверность декартовского *cogito* относится к базовым положениям философской традиции.

Cogito есть акт самосознания, который реализуется различными путями. Декарт указывает здесь воление, чувственное восприятие, интеллектуальную деятельность и др. Рефлексию этих реализаций самосознания Декарт включает в понятие *res cogitans* – «вещь мыслящая»: «Итак, что же я есмь? Мыслящая вещь. А что это такое – вещь мыслящая? Это нечто сомневающееся, понимающее, утверждающее, отрицающее, желаемое, не желаемое, а также обладающее воображением и чувствами» [Декарт, 1994, с. 24]. Как отмечает А.Л. Доброхотов, «Декарт подчеркивает, что cogito – это не мысль о бытии, а само бытие. В той мере, в какой содержанием сознания становится оно само, мысль обретает безусловную автономность

и реальность» [Доброхотов, 1986, с. 165–166]. Сам акт рефлексии одновременно конституирует и удостоверяет безусловное бытие Я. Безусловное бытие и безусловная истина оказываются у Декарта взаимнообратимыми и тождественными.

Сам философ в поиске достоверного вводит персонаж могущественного злокозненного обманщика, испытывая затем различные типы очевидного на предмет его возможности быть результатом манипулятивных действий с нашим сознанием, т.е. возможности очевидного оказаться фейком, ошибкой и в этом смысле небытием. Мы предлагаем аргументы в пользу того, что у декартовского могущественного злокозненного обманщика есть некоторое пространство для манипуляции сознанием.

Cogito фиксирует текущее состояние сознания, оставляя за скобками онтологическую интерпретацию данного сознания. «...я... сейчас сомневаюсь... кое-что понимаю, утверждаю в качестве истины это одно и отвергаю все остальное, желаю очень многое знать, но не желаю быть введенным в заблуждение, многие вещи либо невольно воображаю, либо замечаю даже, что мое воображение воспринимает их как бы при помощи чувств... И какое из всех этих свойств... не является столь же достоверным, как то, что я существую?» [Декарт, 1994, с. 24].

В центре настоящей работы находится только один тип когитального, а именно *cogito*, взятое как темпорально реализуемый интеллектуальный акт¹. Мышление в этом узком смысле мы рассматриваем как дискурсивное, т.е. как соотнесенное с системой знаковых объектов, в которых выражается мыслимое содержание. Когитальное мышление актом порождения мыслей удостоверяет для себя свое бытие. Инструментом для этого служит рефлексия, которая обращена к темпоральной последовательности актов сознания, среди которых обнаруживается и самоудостоверяющее *cogito* в той своей версии, которая соответствует его разворачиванию в языке. Мышление же, которое не получает выражения в языковых конструкциях, не может быть *несомненным, непосредственно данным бытием*, поскольку

¹ Современные исследования мышления подчеркивают конструктивный, вычислительный и программный аспекты в мышлении. Например, «Новая философская энциклопедия» определяет мышление как «процесс решения проблем, выражающийся в переходе от условий, задающих проблему, к получению результата. Мышление предполагает активную конструктивную деятельность по переструктурированию исходных данных, их расчленение, синтезирование и дополнение» [Новая философская энциклопедия, 2001, Т. 2]. Это выводит на темы программного моделирования тех типов человеческой деятельности, которые относятся к интеллектуальным, реконструкции разумных рассуждений средствами вычислительных систем и т.д. Хотя этот топос дистанцирован от философской рефлексии Декарта, однако инвариант порождения и усвоения смыслов, оперирования информацией остается.

его развертывание в виде рассуждения, или «беседы разума с самим собой», оказывается недоступным рефлексии. Поэтому, исследуя *cogito* в модусе знакового мышления, мы не снижаем общности рассмотрения.

Когитальный акт в своем осуществлении отталкивается от динамики состояний сознания. «Вот чувственное восприятие», «вот волеание», «вот воображение/фантазия», «вот мышление» – здесь «вот» дается непосредственно, оно реализуется в моем самосознании, открывает мне его существование и не может быть проблематизировано. Но о существовании актов мышления, об их содержании, если они не выражены в языке, можно судить только косвенно, и в этом случае они не дают внятных свидетельств о бытии сознания. В рамках топоса *cogito* отличие языкового мышления от мышления, с которым не сопоставлен некоторый текст, определяется оппозицией «непосредственное – косвенное». В системе методического сомнения Декарта бытие, требующее дополнительных свидетельств, относится к проблематичному, а знание о нем – к потенциально ложному. Можно обсуждать вопрос, что представляет собой мышление, которому не соответствует явно произнесенный, помысленный, написанный (или еще как-либо представленный, скажем, в жестовом языке глухонемых) текст, но такая постановка вопроса – по крайней мере для выстраивания несомненного знания – возможна только при условии, что есть мышление, которое выражено в языке. *Cogito, понятое как самоудостоверяющее «Я мыслю», невозможно без наличия языка, т.е. некоторой знаковой системы.*

Как знаковый объект *cogito* состоит из далее неделимых элементов (букв/звуков/фонем и т.д.²). С этой точки зрения уже неважно замечание Декарта, что мышление, о котором он говорит, может происходить мысленно, а не вслух. Знаковый объект (речь идет не обязательно об одном слове) непременно – каким-то образом – представлен через, дан в, существует как *sense-data* и состоит из далее неделимых элементов (букв/фонем и т.д.). Достаточно сказать, что с любым помысленным не вслух *cogito* может быть сопоставлено *cogito*, помысленное вслух. И последнее в плане достоверности будет ничуть не лучше и не хуже первого. Таким образом, идея состоит в том, чтобы посмотреть на когитальное мышление в любой его формулировке – «я сомневаюсь», «я сознаю себя сознающим» и пр. –

² В зависимости от того, что принимается за далее неделимые единицы анализа. Приведенный перечень неисчерпывающий, но для нас важно, что, работая с языком, мы имеем элементарные знаки и составные. Вопрос, что представляют собой элементарные составляющие знаковых выражений, из какого набора единиц собирать языковые выражения, может оказаться совершенно нетривиальным, однако в данном случае для нас важно, что в языке такие единицы должны быть, что язык – это дискретная структура.

как на знаковый объект, который, как любой знак: а) имеет чувственно воспринимаемую составляющую и б) строится во времени последовательным порождением элементарных знаков³. Отметим, что знаковое *cogito* обладает, соответственно, двумя видами очевидно существующего: очевидностью некоторого смысла и очевидностью чувственно данного⁴.

2. Правила игры Декарта при поиске абсолютно достоверных истин и безусловного бытия: диапазон возможностей злого гения

Поиск безусловно истинного Декарт начинает с того, что все утверждения предварительно помещает в разряд проблематичных. Высказывания, не прошедшие фильтр абсолютной достоверности, отсеиваются им целыми блоками: наличие ошибки в некоторой области делает недостоверными все утверждения, относящиеся к этой области. Легитимность тотальному характеру методического сомнения сообщает вводимая Декартом гипотеза злокозненного существа, «злого демона (*genium*), в высшей степени могущественного и хитрого». Исследователи отмечают, что по диапазону своих возможностей злой гений равен Богу. «...выражение “злой демон” является лишь корректным псевдонимом гипотезы “злого Бога”, которая изображает мир как тотальную власть злого сверхразума» [Доброхотов, 1996, с. 25]. Э. Кенни считает, что по своему эпистемическому статусу эти гипотезы ничем не отличаются [Kenney, 1968, p. 25]. Р. Поупкин [Popkin, 1979, p. 286–287] видит разницу между гипотезами о злом Боге-манипуляторе и злом демоне в том, что в первом случае «речь идет о ничтожестве человека, лишённого Бога», а во втором – «о вечной тщете всех человеческих начинаний». Но Бог не должен обманывать, а дьявол – быть всемогущим, поэтому, создавая концепт злокозненного могущественного существа, философу приходится вводить новые имена. Поскольку злой гений – не Бог, то теоретически его могущество огра-

³ Вообще-то, можно представить ситуацию, когда последовательность порождения элементарных знаков не соответствует порядку расположения этих знаков в конечном тексте. Скажем, в напечатанном предложении «Сегодня идет снег» сначала могла быть построена (напечатана) буква е, потом о, потом перед е (т.е. в нужном месте) – с и т.п. Но реальный процесс мышления, каким является *cogito*, разворачивается «нормальным» упорядочением элементарных знаков, хотя бы и с ошибками.

⁴ В отношении мысленно произнесенного предложения, наверное, можно говорить и о данности в воображении, которая тем не менее обладает характеристиками «услышанного».

ничено и конструируемые ниже манипуляции сознанием, использующие определение могущества манипулятора, не требуют обращения к известным каверзным вопросам, связанным с всемогуществом, в частности, может ли Бог нарушать законы логики, поднять известный камень и т.д. Возможно, что в этом и состоит минимальное отличие Бога от злого гения Декарта. Во всяком случае, такие свойства сверхсущества, как способность создавать тот самый камень, нерелевантны теме методического сомнения, и в этом смысле их допущение избыточно.

3. Неявные предпосылки декартовского *cogito* и знаковые фальсификации декартовского злого гения

3.1. Знаковые фальсификации внутри *cogito*⁵

Для неопровержимо истинного декартовского *cogito* важно, что оно строится именно сейчас, события, отнесенные к прошлому, теряют в степени достоверности. «Сейчас» Декарта – некое растяжимое настоящее, в рамках которого разворачивается убеждающий аргумент, самим фактом своего разворачивания предоставляющий (кому?) Я очевидное бытие (кого?) Я. По методологии Декарта ошибка, а значит, и возможность манипуляции возможны везде, где есть ссылка на прошлое. Но что делать, если подразумеваемое прошлое относится к части высказывания, которое я сейчас строю?

Память о событиях есть, события не было – такая ситуация как результат работы злокозненного могущественного обманщика для Декарта вполне возможна. Здесь мы обращаем внимание на то, что эта ситуация применима и к *cogito*, если оно разворачивается в растяжимом сейчас (если речь идет о процессе, в нашем случае – построения знакового объекта на некотором отрезке времени Δt).

Разобьем текст на составляющие следующим образом: часть *B*, которая строится сейчас, часть *A*, которая построена непосредственно перед *B*, и часть *C*, которую Я собирается построить после части *B*. Пусть, например, этот текст есть просто высказывание *cogito*. Тогда его можно представить как *ABC*, где $A = cogi$, $B = t$, $C = o$. Будем в квадратные скобки помещать ту знаковую часть, которая строится в настоящем, части *A* и *C* помещать, соответственно, слева и справа от квадратных скобок, весь рассматриваемый текст помещать

⁵ Здесь под *cogito* понимается не в точности это слово или высказывание, но любое (знаковое) самоуверяющее мышление, например *Ego sum rescogitans*.

в круглые скобки. Тогда (*элементарная когитальная*) *знаковая фальсификация* имеет вид:

Я воспринимает текущую ситуацию как $(s_1, \dots, s_{i-1}, [s_i], s_{i+1}, \dots, s_n)$.

Например, (Cogi [t] o).

Таким образом, то, что для Декарта обладало статусом безусловной реальности (в которой нет места более и менее реальному), раскладывается на онтологически неравноценные компоненты: «реально существующее» (отдельный знак, который *действительно* был порожден сознанием Я) и «существующее как ошибка памяти» (четыре предшествующих знака, которые не были *реально* порождены). Последний знак существует только в намерении. Поэтому сама *когитальная конструкция не построена вообще*.

Поскольку последовательность $\langle s_1, \dots, s_{i-1} \rangle$ предшествует $[s_i]$, в отношении нее возможна манипуляция сознанием. До построения знака s_i по правилам, принимаемым Декартом, вообще-то *может быть все что угодно*. Можно предположить даже то, что Я не существовало до построения этого знака, либо в непосредственно предшествующее построению s_i время⁶. До $[s_i]$ может быть какая-то незнаковая деятельность. [t] может оказаться *de facto* (с точки зрения манипулятора) частью другой последовательности знаков, например “Rescunia non olet” или: «Деньги не пахнут» (с последним t, а не т). Таким образом, с точки зрения злокозненного манипулятора, ситуацию, которую Я воспринимает в настоящем как $(s_1, \dots, s_{i-1}, [s_i], s_{i+1}, \dots, s_n)$, выглядит так: $(\dots, [s_i], \dots)$, где слева от $[s_i]$ в качестве непосредственно предшествующих могут оказаться любые события – лингвистического характера, т.е. построение каких-то знаков, или же нелингвистического, – там может быть и просто «пустое место», если Я до построения s_i не существовало. То же самое относится к пропускам справа, включая возможность Я не существовать после построения s_i .

Пусть Я воспринимает текущую ситуацию как (Cogi [t] o), ближайшая предшествующая [t] часть – “Cogi”. Из перспективы манипулятора предшествующая [t] часть может быть, например, [a], которое воспринималось сознанием Я как часть слова «ура».

⁶ Ср. «В “Рассуждении о Методе” временность встроена вполне очевидным образом, поскольку Декарт здесь рассказывает об уже проделанном жизненном пути, об открытом в некий момент прошлого методе исследования. Напротив, в “Размышлениях” эта отсылка к прошлому отсутствует, а полагание Cogito настолько строго размещается в границах настоящего, что Декарт оставляет открытой возможность существования “я” в следующий момент времени» [Шевцов, 2013, с. 64]. Если мы работаем с гипотезой злого гения, то надо оставить открытой и дуальную возможность: существование Я в прошлом, которое в случае знаковой фальсификации включает и то время, которое предшествует построению элементарного знака s_i (который строится «сейчас»).

3.2. Источники описанной манипуляции

Ключевой источник описанной коллизии очевиден – знакопорождение как последовательное порождение знаков во времени, которые совокупно репрезентируют когитальный акт неизоморфно смыслопорождению. Эта неизоморфность работает для любых языковых конструкций. В качестве возможного исключения можно указать на перформативные конструкции. Перформативная интерпретация принципа *cogito*, по-видимому, должна исходить из предварительного допущения о его непрерывности, в частности, отсутствия в нем того, что выше названо знаковыми манипуляциями. Процесс смыслопорождения не есть нечто вполне ясное и отчетливое. Понятно, что смысл отдельного слова не появляется для субъекта речи с построением последнего знака в (данном) слове, так же как смысл целого предложения не возникает для субъекта речи с построением последнего знака предложения.

Знакопорождение как порождение конструктивного объекта в реальности *sense-data* есть нечто достаточно ясное и отчетливое. Для примера сравним два чувственно воспринимаемых процесса: построение фразы и восприятие дождя. Пусть нужно описать процесс построения фразы «Рим – столица Италии». Если речь идет о письменном (буквенном) варианте, то очевидно, что именно брать в качестве исходных единиц построения: буквы (русского) языка, знак тире и знак пробела (опционально – знаки кавычек). Тогда в реальности *sense-data* имеем дело с конкретной реализацией данной последовательности знаковых единиц (скажем, на экране данного планшета или на данном листе бумаги): Рим – столица Италии. Для незнаковых процессов такой очевидности построения нет, возьмем пример восприятия дождя. Какие составляющие части выделить? Каким образом производить выделение? Какие понятия использовать? В этом случае нет конвенциональных параметров и единиц описания. Но даже если предложить какую-то систему параметров для описания (восприятия) дождя как некоторого процесса, очевидно, что результаты для разных субъектов не будут столь унифицированы, как в случае с лингвистической конструкцией.

Еще одно важное отличие знаковых *sense-data* от незнаковых: для чувственных восприятий общепринятым является тезис о том, что они приватны и что каждое *datum* воспринимается только одним человеком. Однако сама природа знака рассчитана на то, что он может быть кому-то передан (вспомним тезис Витгенштейна о невозможности индивидуального языка). То есть знаковые *sense-data*-объекты в некотором смысле *обязаны* существовать в модусе *неприватности*. Так, можно различно представить слово русского языка «столица»: использовать разные шрифты, писать разным почерком и т.д., но каждый раз это будет реализация одного и того же абстрактного объекта.

Отдельный непростой вопрос: как этот абстрактный объект получает свое бытие и как именно его поддерживает? Ведь, скажем, в естественных языках дело не обстоит так, что сначала договариваются о системе исходных знаковых единиц (букв, фонем и т.д.), а потом уже «запускают» коммуникацию.

Возвратимся к соотношению процессов построения знаков и порождения смыслов. Где и как в процессе речепорождения появляется смысл – вопрос, как хорошо известно, не очень ясный или, скорее, очень неясный. Наш речевой опыт подсказывает, что смысл уже каким-то образом есть до его sense-data-реализации. Но гипотезы соотношения смыслопорождения и знакопорождения мысли не относятся и не могут относиться к несомненным истинам Декарта, поэтому (в частности, поэтому) здесь мы только фиксируем эту ситуацию и коллизию.

Вне всякой философской рефлексии знаковые системы, в частности языки в лингвистическом смысле, работают по платоновскому (идеалистическому) принципу: есть идеальный знак и его sense-data-реализации. Знакопорождение включает некоторую процедуру, которая относится одновременно и к смысловому, и к sense-data-уровню, а именно: субъект речи должен успешно проводить процедуру отождествления реализации одного и того же знака – элементарного и составного. Например, записывая “Cogito”, на последнем шаге пишущий должен обращаться к знанию списка исходных знаков и уметь отождествлять их реализации, в данном случае успешно реализовать, отождествив две реализации буквы о. Поставим вопрос: знание исходных символов, из которых строится знаковый когитальный акт, знание о необходимости на практике процедуры отождествления знаков как чувственно данных объектов и умение это отождествление проводить, – относится ли все это к неотчуждаемым непосредственным данностям, в частности, в рамках подхода Декарта? На наш взгляд, ответ здесь утвердительный, хотя сам Декарт не упоминал об этом: способность отождествления sense-data-реализаций одного и того же символа, как выше, например, было с символом о, и составного знака есть предпосылка успешного знакового когитального акта.

Справедливо, что предпосылкой методического и, в частности, когитального сомнения является наличие некоторого языка с его многочисленными правилами функционирования, проблематизировать которое невозможно. Обычно этому замечанию не придают большого значения, переходя после упоминания сразу к обсуждению знаково реализованного сомнения. На мой взгляд, это (пока?) недооцененный аргумент в анализе (бес)предпосылочности когитальных утверждений. Без реальности языка с его правилами – как упомянутыми выше принципами знаковых систем, так и специфическими для данного языка – невозможно бытие методического сомнения. Бытие

же сомнения открывает, в свою очередь, Декарту бытие чистого самосознания.

В заключение отметим, что если бы не действовало правило отождествления реализаций одного и того же абстрактного знака, то сама постановка вопроса о различении части прошедшего и части настоящего в *cogito* как главный ресурс для возможности манипуляции была бы невозможна.

3.3. Неявное допущение, принимаемое Декартом при обосновании очевидности

Ресурс злокозненного могущественного манипулятора для введения в заблуждение состоит в том, что его возможностей достаточно, чтобы обнулить представление Я о том, что было раньше, *сколь бы близким к настоящему это прошлое ни было*. В таком случае результатом манипулятивного воздействия будет не связный поток сознания, в котором строится демонстрация очевидности, а последовательность отдельных фрагментов жизни Я, так что жертва манипуляции не помнит о содержании предыдущих фрагментов и не знает о настоящем содержании последующих, хотя думает, что имеет об этом представление, скажем, когда я начинаю произносить или писать слово, я каким-то образом представляю, как собираюсь его достроить. Если мы отказываем злему гению в такой возможности, значит, мы меняем правила игры глобального сомнения и принимаем дополнительное ограничение на могущество манипулятора сознанием.

Тезис об очевидности сомнения и, обобщая, мышления содержит, таким образом, неявную предпосылку, а именно: существует такое *безошибочное время* (отрезок времени Δt), в которое манипуляция сознанием или ошибка (в отношении того, что происходило в Δt) невозможны. Так, например, строя утверждение *Dubito, ergo sum* и дойдя до построения *sum*, Я не может ошибиться в том, что непосредственно до этого им было построено. Обратное допущение означает, что манипуляция возможна в рамках любого сколь угодно малого Δt . Для знаковой фальсификации столь сильное утверждение можно не принимать, *достаточно* рассматривать время, в которое мыслящим Я реализованы знаки и их последовательности. Еще одна, неэквивалентная версия неявной предпосылки *cogito* такова: существует некоторое неопределенно малое «сейчас», в границах которого ошибка или манипуляция сознанием невозможны.

3.4. Безошибочное время, темпоральная структура восприятия Гуссерля и оперативное время Гийома

Понятие безошибочного времени имеет смысл именно в связи с построением/восприятием знаковых конструкций. Можно сказать, что утверждение о существовании отрезка времени, на котором невозможна ошибка сознания в отношении того, что произошло на этом отрезке, есть условие возможности функционирования любой знаковой системы.

Для ситуации, где прошлое уже плохо отличимо от настоящего и будущего не надо ждать – настолько близко оно расположено к настоящему, вроде бы напрашивается феноменологический анализ темпоральности. В самом деле, мы разбираем «покадровое», посимвольное возникновение и исчезновение знаковых единиц, которые в итоге порождают некоторое высказывание, например краткое “*cogito*” (берем просто это слово). Точка «теперь» постоянно смещается, в ретенциальном хвосте накапливается содержание за счет новых (совсем немногочисленных) знаков, факт построения которых уходит в непосредственное прошедшее, и сознание уже готово воспринять ближайший знак и ближайшую последовательность знаков, существующие в протенции.

Для контекста настоящей работы релевантен вопрос: насколько это описание является достоверным? Для такого короткого отрезка времени, какой длится мышление, определяющееся фразой “*cogito*”, феноменологическое описание не может быть интроспективным отчетом, оно скорее восстанавливается по аналогии с другими процессами, которые фиксируются самонаблюдением. Также для темы методического сомнения важно, что ретенция и протенция – понятия, конституирующие некоторый используемый метод описания и анализа. Методы описания и анализа опыта самосознания суть некоторые модели, и как таковой их статус по правилам Декарта сразу определяется как проблематичный (с последующим возможным повышением до истинного, правильного, адекватного).

Выше было отмечено, что знаковая актуализация мысли во времени и возникновение мысли, очевидно, неизоморфны: для мыслящего Я содержание его мысли не становится окончательно проясненным с построением последнего символа знаковой конструкции, выражающей некоторую мысль. Парадигма, гласящая, что «*квант*» смысла выявляется посредством его знаковой реализации, развивалась, в частности, лингвистом Гюставом Гийомом. Моделируя соотношение между смыслом и языковой реализацией, он вводит понятие оперативного времени. Между нашим понятием безошибочного времени и оперативным временем Гийома есть важные параллели: во-первых, как безошибочное, так и оперативное время, является функцией от ментальной и речевой деятельности субъекта, во-вторых,

и одному, и другому соответствует ускользяще малый по продолжительности интервал.

Гийом вводит понятие оперативного времени при описании механизма перехода от еще не сформулированной знаково мысли к ее речевой актуализации. Он различает язык и речь (потенциальный язык – актуализированная речь, *langue – parole/discours*). Потенциальный язык (*langage puissancier*) – это, так сказать, «программное обеспечение», которое говорящий запускает, актуализируя речь. Понятия, призванные отобразить ситуацию перехода от латентно существующего знания языка в виде массива информации и правил ее использования, Гийом вводит еще в 10–20-е гг. XX в., говоря об оперативных схемах построения языковых единиц. Оперативное время вводится им при описании механизмов перехода от мысли, еще не оформленной знаково, к речи. Л.М. Скредина [Скредина, 1992, с. 181] так характеризует концепт оперативного времени: «Оперативное время является частью дискурсивного и бесконечного (космического) времени. Оно представляет собой мгновение, которое невозможно измерить и которое имеет место в моменты, предшествующие актуализации любого слова, которое мы вводим в речь. В оперативном времени заключена вся оперативная схема порождения слова, которая складывалась в ходе глоттогенеза и принадлежит поэтому не только оперативному, но и глоттогеническому времени. Это некая программа, по которой раскручивается построение слова».

Среди исследователей есть некоторый разброс в интерпретации оперативного времени, большинство из них понимают его как ничтожно малую величину, сознанием непосредственно неуловляемую. А. Жоли отмечает: «...оперативное время настолько же ментальная реальность, насколько и параметр анализа. Это мгновенный промежуток времени (*instantaneous space of time*), который нельзя измерить в реальности, но который тем не менее реален. Нет причин, по которым оно, находясь вне области осознаваемого, ощущаемого (*perceivable*), не было бы мыслимым (*conceivable*)» [Joly, 1978, p. 106].

Таким образом, для Гийома оперативное время – не фиксируемая в опыте реальность, точнее сказать так: наше сознание не ухватывает операцию перехода от мысли, еще не имеющей языковой формы, к актуальной речи, поскольку он совершается слишком быстро, чтобы быть отрефлексируемым. Поэтому оперативное время – постулируемое понятие, реальность которого правдоподобна. События же, происходящие в то время, которое мы называли безошибочным, наблюдаемы (построение знаковых единиц).

Помимо этого, у Гийома элементарной языковой единицей является слово. Оперативное время вводится для описания схемы актуализации слова в потоке речи. Мы же, анализируя неявные предпосылки, принятие которых необходимо для *cogito*, разбирали знаковые объекты вплоть до элементарных символов, которым не приписывается

смысл и которые конституируют синтаксический уровень языка. Можно было пойти дальше и разбить на части построение элементарных символов, т.е. рассмотреть процесс уже не собственно семиотический. Этого не было сделано, поскольку такой анализ вроде бы не дает каких-либо важных дополнительных следствий.

4. *Cogito* и время

Рассмотрим следующее возражение: хотя на построение знакового *cogito* в любом его варианте требуется некоторое время, тем не менее никакого прошлого в *cogito* нет, настоящее – это и есть тот временной отрезок, в котором когитальное мышление реализуется через систему символов. На это можно заметить, что то, что является настоящим, Present Continuous, для мыслящего Я, легко разбивается или может разбиваться на части «прошлое – настоящее» для манипулятора сознанием Я. Нет оснований в рамках методического сомнения исключать такую возможность. Это внешнее разбиение знаковой конструкции (s_1, \dots, s_n) на части, отнесение чувственно воспринимаемой реализации одних составляющих, допустим s_1, \dots, s_{n-1} , к прошлому и некоторой другой (s_n) – к настоящему становятся ресурсом для фальсификации и подлога: пока сознание интуитивно воспринимает некоторую длительность как настоящее, манипулятор меняет содержание памяти, подобно тому как мы, располагая достаточным временем, можем заменить, скажем, содержимое каких-то папок. Поэтому вернемся к вопросу о том, достаточно ли времени у манипулятора на то, чтобы «поменять содержимое папки».

Может ли нас обманывать чувство времени? Является ли оценка длительности какого-то события – «долго», «быстро», «ничтожно мало» и т.д. – всегда более-менее верной?⁷ Мимикрируя под декартовские «Рассуждения», ответим от его имени (подделанный ниже под Декарта текст выделен курсивом). *Разве не замечал я иногда, как мне казалось, что какое-то событие произошло очень быстро, и потом с изумлением обнаруживал, что уже очень долго читаю какую-то книгу. «Как время пролетело! А я совсем и не заметил!» – восклицал я, меняя оценку длительности события. И, наоборот, разве не случалось мне, изнывая от скуки, слушать наставления, которые, казалось, длятся бесконечно и никогда не закончатся. Теперь мне приходит на ум, что за то время, которое я слушал скучные*

⁷ Речь идет о следующем. Допустим, кто-то считает, что лекция, которая длится 6 часов, длится долго, а 5-минутная – очень короткая. Если после посещения 6-часовой и 5-минутной лекций слушатель определит их как длившиеся, соответственно, долго и быстро, значит, он не ошибся в определении меры времени.

наставления, я успел бы прочесть всего несколько страниц какой-нибудь книги. «Странно, – думал я, – он говорил совсем недолго, а мне казалось, что целый день!» «...благоразумие же требует никогда не доверяться тому, что хоть однажды ввело нас в заблуждение» [Декарт, 1996, с. 16]. Вышесказанное приводит меня к заключению, что, если бы могущественнейший злокозненный гений захотел, чтобы я всегда ошибался в оценке длительности, так что на произнесение слова уходило бы столько же времени, сколько на чтение лекции, но первое казалось бы мне почти мгновенным в отличие от второго, он, несомненно, мог бы это сделать.

Таким образом, аргумент о том, что время, за которое строится когитальная знаковая конструкция, слишком мало, чтобы успеть за этот срок ввести в заблуждение, можно отвергнуть не только тривиальной ссылкой на неограниченные способности манипулятора. Он опровергается по принципу методического сомнения: одна ошибка в некоторой области делает недостоверной всю эту область. Можно в этом увидеть еще одно неявное допущение для обоснования несомненности *cogito*: существует такая мера времени, в оценке которой нельзя ошибиться (безошибочная мера). То есть, например, если я думаю *Ego sum res cogitans*, то я никогда не оценю (по этому допущению) время, которое у меня ушло на построение этой фразы, в несколько минут, часов, дней и т.д. И я не могу ошибиться в том, что на построение каждого из знаков *e*, *g*, *o* и т.д. ушло ничтожно мало времени (по сравнению с временем, в которое длились какие-то другие события, скажем чтение лекции). Принцип безошибочной меры, как и в случае с безошибочным временем, работает для (оценки) знаковых процессов, задаваемых небольшим количеством исходных символов. Незнаковые процессы в этом аспекте предоставляют возможность для возражений, контрпримеров и т.п.

Рассмотрим теперь ситуацию, когда *cogito* является мгновенным состоянием сознания. Тогда, с одной стороны, самоудостоверяющее мышление разворачивается во времени построением некоторой языковой конструкции, с другой – истинность этого утверждения осознается мгновенно, и вообще-то неочевидно, что только с построением последнего знака. То есть в этом случае *cogito* существует и в Present Continuous, и мгновенно. Мгновенность усвоения апеллирует к нашему опыту, а также к интуитивно непонятной ситуации: как смысл может быть «размазан» во времени?

Можно предложить тем не менее аргумент в пользу того, что данное утверждение надо трактовать как *допущение*, которое Декарт именно *принимает*, а не как интуитивно очевидный тезис. В самом деле, поставим вопрос: можем ли мы отличать – опытно, а не как элементы теоретической конструкции – ничтожно малые *отрезки* времени от *моментов* времени (которые не имеют частей)? Очевидно,

что в опыте мы их не различаем. Тогда утверждение о том, что какое-то содержание усваивается мгновенно в t_i (может быть усвоено мгновенно), есть *дополнительное допущение о существовании далее неделимых частей времени*, не только невыводимое из опыта, но и вообще опытом самосознания непроверяемое.

Итак, если утверждаем, что *cogito* усваивается моментально, значит, работаем с *предварительным* допущением о существовании далее неделимых моментов времени; если отказываемся от этого допущения, чтобы сделать *cogito* беспредпосылочным, то возвращаемся к возможности реализовать *cogito* в рамках некоторого Δt с вытекающими отсюда коллизиями, каковы знаковая фальсификация или же опять неявная предпосылка для существования Δt , в котором не ошибаются (относительно событий в Δt). Отдельно подвешенным остается вопрос о возможности мгновенного построения дискретной знаковой конструкции – *cogito* – для тех, кто настаивает на мгновенном постижении. Заметим, что интуитивная неявность ситуации «размазанности» смысла по времени этими рассуждениями не снимается.

5. Степень деструкции *cogito* при допущении знаковых фальсификаций

Рассмотрим теперь вопрос, в какой степени преуспел наш злокозненный манипулятор, задавшийся целью, насколько это в его силах, ложь выдавать за истину и небытие за бытие. Ясно, что еще остались непосредственные данные чувственного восприятия, воления, воображения, в которых либо нет знаковой составляющей, либо она не выявляется так конструктивно, как в случае с языком. С чем мы имеем дело, так это, на наш взгляд, с понижением онтологического статуса: то, что было усвоенной или продуманной истиной и сбывшимся мышлением или усвоением мысли, становится скорее их имитациями.

Отметим, что знаковая манипуляция фальсифицирует равенство Декарта: «Сколько же я существую? – Столько, сколько мыслю». С одной стороны, Я существует «сейчас», с другой – если «сейчас» ужать до времени построения элементарного знака, как в описанной знаковой манипуляции, то субъективная мера существования как перспектива мыслящего Я и объективная – манипулятора – не совпадут. Т.е. могут не совпадать мера бытия и мера мышления. Появляется возможность фальсификации принципа мышления как меры бытия.

6. Заключение

Таким образом, *cogito* как некоторое утверждение не беспредпосылочно, отказ от этих предпосылок (для наличия безошибочного времени и безошибочной меры времени в указанном выше смысле) открывает ресурс для декартовского злокозненного гения манипулировать сознанием, и, возможно, в настоящей статье продуманы не все возможности эксплуатации этого ресурса. Ключевое в нем – это наличие длительности дискретных sense-data-объектов, к которым применяется принцип отождествления. Собственно, если мы принимаем тождество Я, то в мышлении, объективированном знаково, самосознание – не единственная самоотжественная единица. Самоотжественными объектами также являются идеальные элементарные и комплексные знаки, sense-data-реализации которых порождаются или усваиваются мыслящим Я⁸. Скажем, для валидности *Ego sum res cogitans* необходимо не только тождество порождающего или усваивающего этот смысл Я, но и тождество знаков, есть *один и тот же* знак е, используемый в этом предложении, и т.д.⁹ Отметим также такие идеальные самоотжественные объекты, (неявно) используемые при реализации методического сомнения, как *правила* в самом широком смысле (правила построения и сочленения языковых выражений и т.д.)¹⁰.

Представление о том, что длительность чревата ошибками и в этом смысле небытием, в европейской философии очень древнее и впервые было четко артикулировано Парменидом еще в V в. до н.э. Формируя локус безошибочного истинно сущего, он убирает из последнего длительность. Фрагмент В8 его поэмы гласит: «Оно не “было” некогда и не “будет”, так как оно “есть” сейчас – все вместе, одно непрерывное»¹¹. Предикаты же длительности, изменения, чувственного восприятия, sense-data-модуса существования, ошибочного, небытия формируют вторую область, область доксического, мнимо сущего.

Cogito находится всецело в настоящем, но в настоящем вида Present Continuous. Длительность, по Декарту, относится непосред-

⁸ Статус существования этих объектов в контексте *cogito* у Декарта остается непроясненным.

⁹ Требуют ли другие модусы самосознания наличия самоотжественных объектов, помимо Я? Модус чувственного восприятия – нет; воления – вероятно, цель; модус воображения – в зависимости от характера данного в воображении.

¹⁰ В смысле позднего Витгенштейна, который работал с понятием правила как фундаментальным и далее неопределяемым.

¹¹ οὐδέ ποτ' ἦν οὐδ' ἔσται, ἔττει νῦν ἐστὶν ὅμου παν, ἐν, συνεχές (цит. по: Diels H., Kranz W. Die Fragmente der Vorsokratiker, 9 Aufl. Berlin: Weidmannsche Verlagsbuchhandlung. 1960. Bd. 1 S. 235. Перевод А.В. Лебедева, цит. по: Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1 / Подгот. А.В. Лебедевым. М.: Наука, 1989. С. 290.)

ственно к очевидно данному. Здесь заложено некоторое противоречие или, во всяком случае, коллизия, поскольку приходится неявно принять, что есть такая длительность, в которой реализуется *cogito*, в которой невозможна временная разметка «прошлое – настоящее – будущее». Парменид избегает этого, просто исключая характеристики прошлого и будущего из истинного бытия.

Проведенный анализ, на наш взгляд, позволяет по-новому посмотреть на взаимосвязи в философском топосе «бытие – время – истина – очевидность». Источник такой возможности – в семиотической модальности рассмотрения данного топоса: бытие знака, длительность существования знака, истины о знаковых объектах и их очевидность (и истин, и знаков).

Список литературы

Декарт, 1994 – *Декарт Р.* Соч.: в 2 т. Т. 2 / Под ред. В.В. Соколова. М.: Мысль, 1994.

Доброхотов, 1986 – *Доброхотов А.Л.* Категория бытия в классической западноевропейской философии. М.: Изд-во Московского ун-та, 1986. 248 с.

Доброхотов, 1996 – *Доброхотов А.Л.* Онтология и этика когито // Встреча с Декартом / Под. ред. В.А. Кругликова, Ю.П. Сенокосова. М.: Ad Marginem, 1996. С. 23–35.

Новая философская энциклопедия, 2010 – *Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Предс. научно-ред. совета В.С. Степин.* Т. 1–4. М.: Мысль, 2010.

Скрелина, 1992 – *Скрелина Л.М.* Послесловие // *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики. М.: Прогресс, 1992. С. 168–194.

Шевцов, 2018 – *Шевцов К.П.* Временность в структуре Cogito // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология.* 2018. Т. 29 (1). С. 61–65.

References

Descartes, R. *Sochinieniya: v 2 t. T. 2* [Selected Works: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow: Mysl', 1984, 640 pp. (In Russian)

Dobrochotov, A.L. *Kategoriya bytiya v klassicheskoi zapadnoy yevropeyskoi filosofii* [The category of Being in the Classical Western Philosophy]. Moscow: Publishing House of Moscow University, 1986, 248 pp. (In Russian)

Dobrochotov, A.L. *Ontologiya I etika cogito* [Ontology and Ethics of Cogito]. Moscow: Ad Marginem, 1996, 438 pp. (In Russian)

Joly, 1978 – Joly, A. “The Problem of Aspect a Psychomechanical Approach”, *Documentation et Recherche en Linguistiquec Allemendec Vincennes*, 1978, vol. 16, pp. 101–116.

Kenny, 1968 – Kenny, A. *Descartes: A Study of His Philosophy*. London; New York: Random House, 1968, 242 pp.

Novaya filosofskaya entsiklopediya, 2001 – *Novaya filosofskaya entsiklopediya*, v 4 t. [The New Philosophical Encyclopedia, vols. 1–4.]. Moscow: Mysl', 2000–2001. (In Russian)

Popkin, 1979 – Popkin, R.H. *The History of Scepticism from Erasmus to Spinoza*. California: University of California Press, 1979, 360 pp.

Shevtsov, K. “Vremennost' v strukture Cogito” [Temporality in the Cogito structure], *Vestnik of St. Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2018, no. 29 (1), pp. 61–65. (In Russian)

Skrelina, L. “Poslesloviye” [An Epilogue], in: Guillaume, G. *Principes de linguistique théorique*. Moscow: Progress, 1992, pp. 168–194. (In Russian)